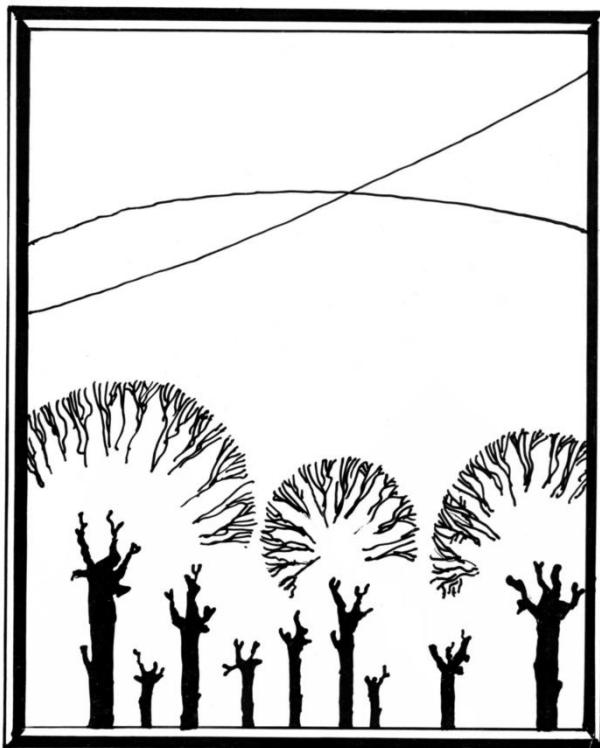


БОРИС КРАСНОВ



СТЕКЛЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

БОРИС КРАСНОВ

СТЕКЛЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Санкт-Петербург
2010

ББК 47.2.1.2
К78

Художник С.Захаров
Фотография И.Кузнецова

ISBN 978-5-91014-010-7

Издательство "ООО "АртЭго"

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СЕРДЦА

* * *

Окружающий вторник готов обернуться средой,
если только четверг не нарушит движения суток.
За порогом дождя поднимается ельник густой,
где теряется след, где листва обретает рассудок.

Растворись же в среде, чтоб уже не вернуться назад,
полюби навсегда эту изморось волосяную.
Сколько звонких ключей - и холодных, и чистых - спешат
отомкнуть этот лес, эту топкую пойму речную.

Рыба вяло плеснёт, птица яро замашет крылом,
раздирая листву, осыпая хрустальные нити.
Всё - восторг бытия, чей предлог потерялся в былом
и распался давно на прозрачные капли событий.

2000

* * *

Возвращаюсь к природе, к ее словарю -
опалённому жёлтой листвой алтарю,
вопреки немоте, вопреки октябрю,
протянувшему долгие тучи...

В этом тлеющем, тихом, иззябшем лесу
я себя от впадения в ересь спасу
и наполнюсь молитвой летучей.

Я молюсь не среди прокопчённых икон,
но среди четырех среднерусских сторон.
Я незыблемо чту свой осенний канон
и свою безымянную веру.
Бедный храм мой неярок, прозрачен, сквозист.
Мне иконой - кленовый темнеющий лист
да лишайник проржавленно-серый.

Я замру на скрещенье звериных дорог,
суетливые мысли запру на замок.
И увижу, как в точно назначенный срок,
в створе солнца, лишённая веса, -
над поляной, где травы стоят не дыша -
пролетит, проблеснёт паутинка-душа
золотого предзимнего леса.

2000-2001

* * *

Четыре сосны как четыре стены
меня ограждают от ложной вины.

От вязкого морока мутных речей
меня охраняет чистейший ручей.

Я мокрую ветку задену плечом
и - чур! - не хочу говорить ни о чём.

За друзу малиновых ягод в руке
отдам все слова, что роятся в виске.

И стану немым словно вереска куст,
пусть пчёлы моих чуть касаются уст.

Пусть топчут меня бегунки-муравьи,
пусть мох набивается в корни мои.

Ни словом не выдам я тайны своей,
что я - из презренного рода людей.

Умри моя мысль, отреченье приди -
пусть бабочка спит у меня на груди,

пусть в небе трепещут в четыре крыла,
несущие кроны четыре ствola.

2002

сыну Жене

* * *

С утра костёр не разжигался
(всю ночь в палатку дождь стучался),
я вылез сонный из тепла.
Хрустальный лес стоял недвижим,
был капель звон прозрачный слышен,
вниз по стволам вода текла.

И воздух влажный и еловый
как будто был всему основой -
он наполнял собою лес.
Под сапогами чавкал сфагnum,
и я смирился с этим фактом,
и сквозь кусты к воде полез.

Лежало озеро как тело
воды, что двигаться не смело,
дух святости над ним витал.
Но я без робости притворной
сошёл к воде его просторной
и в котелок, от сажи чёрный,
воды сырой набрал.

Из плашек, вымокших снаружи,
сухих и огнетворных стружек
я настрогал ножом тупым.
Но стружки в миг один сгорали,
а плашки мокрые трещали
(фузеи словно, иль пищали)
и едкий источали дым...

Потом мы плыли в лёгкой лодке
вдвоем, чуть слышно. И нечётки,
сквозь дым виднелись острова.
Был мир воды едва озвучен:
плеск весел, щёлканье уключин,
оброненные вскользь слова.

Был мир как будто до рожденья -
камней змеились отраженья,
торчащих странно из воды.
И солнца зыбкое светило
неслышно на небо всходило,
И лодка по воде чертила
недолгие следы.

* * *

Лес-грамотей,
научи меня азбуке смысла.
В келье твоей
непрочитанных книг коромысла.

Из темноты
слабо светится венчик кислицы.
Капля воды
помогает рассудку напиться.

Стой, муравей! -
иероглиф вечернего бега.
Фокус острой -
и прочитаны альфа и бета.

Тлиная рать
рассыпает верлибры молчанья -
впору читать
каждый лист до потери сознанья.

Или ты слеп?
Или грамоте ты не обучен?
Ветру вослед
каждый лист полнокровно озвучен.

Тысячи книг
шелестят с заколдованных полок.
леса язык
и пахуч, и отрывист, и колок...

* * *

Дождь стучит по изнервленной кровле.
Сколько пролито ангельской крови -
замокрели купырь и ветла.
Видно, на небе жизнь не малина,
если божьих дружин половина
на другую - с мечами пошла.

Видно, чем-то Отца прогневили,
может, плохо псалмы поделили,
и на всех не хватило псалмов?
Вот и боятся, сшибаясь щитами,
искажёнными в гневе чертами
походя на ярящихся псов.

Помириться по-дружески им бы,
но горят раскалённые нимбы,
и кровавится шрам на челе.
Им, бессмертным, легко забавляться -
умирать, воскресать, замиряться...
Ну, а нам каково на Земле?

2001

НА ДНЕСТРЕ

1.

Третий день по Днестру на понтонах
ковыряем водицу веслом.
Облака то всплынут, то потонут -
еле-еле река под уклон.

Растянулся ленивый туристский
караван, чуть шевелит волну.
Над водой известняк силурийский -
отраженья уходят ко дну.

Эти камни - древнее чем эпос -
помнят руки и голос Творца.
(Раскрутить бы метафору эту,
да жара расслабляет гребца).

Тень - короче, и мысли - короче.
Жаркий день пролетит без забот.
Головами повалимся к ночи
в отсыревший палаточный борт...

Утром цапля стрелой оперённой
пролетит, чуть касаясь воды,
над рекою, где камень слоёный
к облакам поднимает сады.

1991

2.

В темноте доедаем картошку.
Капли первые бьют по столу.
Вспыхнет молния - высветит ложку,
гром - как будто расколет скалу.

Скоро хлынет, обрушится скоро...
Дожевать бы, допить, ну а там -
кто быстрей, - по презентовым норам,
по задымленным спальным мешкам.

В ватный кокон залезешь по плечи,
поворнёшься лицом в темноту
и - забыты слова человечьи,
что хранили тебя на свету...

Мы лежим, безъязыкие звери,
с неба хлещет вода наугад,
и скрипят все древесные двери,
все небесные крючья гремят.

1988.

ТРИЛОБИТЫ

Человек расколет камень
и увидит трилобита.
Безымянными веками
скорлупа его изрыта.

Он ютился в древнем море,
мирным был детритофагом.
С эволюцией не спорил,
вот и вымер - шаг за шагом...

Пронеслись века и эры
над землёю словно птицы.
Где теперь они - химеры,
допотопные мокрицы.

Катастрофами побиты,
опустились в воды Леты.
Только каменные плиты
сохранили их портреты.

Те портреты не стареют,
не горят, не истлевают -
в бесконечных галереях
те портреты пребывают.

* * *

Путешествует старый дурак
в одиночку по русским просторам.
Нагружает камнями рюкзак,
развлекает себя разговором.

Он выходит на берег реки,
и река - словно жизни страница.
Здесь по плитам бегут ручейки,
и черёмухи запах клубится.

Он рукой успокоит волну,
котелком зачерпнёт отраженье
и - замрет, и вдохнёт тишину,
что оглохла от птичьего пенья.

И не надо уже ничего,
кроме сини речной, да небесной.
Он не помнит себя самого
и своей оболочки телесной.

Отрешённый от бед и забот,
он стоит, шелохнувшись не смея,
и внимает воде, что поёт,
и листве, что шумит, не старея.

2001

* * *

Однокая палатка,
облака, что молоко.
Мне и горько, мне и сладко,
кисло, солено - легко!
Никому я не обязан,
ни во сне, ни наяву.
Я оторван, я отвязан,
словно лодочка плыву.
Краем поля, краем леса,
мимо стёжки луговой.
И во сне, лишённый веса,
воспаряю над травой.

1999

* * *

Ночной промчался метеор,
из темноты упав отвесом.
Высоковольтный разговор
вели два провода над лесом.

Они шептались горячо
над глубиной лесного мрака.
А я лежал, подмяв плечо,
в палатке, лёгкой как бумага.

Я был разбит, я был без сил,
во мне метались электроны.
И лес напрасно возводил
вокруг меня стволы и кроны.

Напрасно пальцами листвы
плёл тишину на тонких спицах -
треск электрической молвы
не позволял мне сном напиться.

По небу плыли туч клочки,
сквозь тучи месяц прорывался.
Костёр на берегу реки
погас, и дым его распался.

Река бежала широка,
вода о тростники шуршала,
но электричества река
живую реку заглушала.

2005

ПРИШЕЛЬЦЫ

На летающей ядерной глыбе,
волосатые, уши торчком,
прилетели из космоса злыдни -
притаились за близким леском.

Снаряжают свои лучемёты,
огнебойным железом гремят...
А по лесу летит позолота,
разбегаются стайки опят.

Но не видит грибов гуманоид
и на лес золотой не глядит.
Он вчера распылил астероид,
а сегодня - и нас распылит.

Настороженный, вроде ищёйки,
он стоит на пожухлой траве,
и трещат еле слышно ячейки
в электронной его голове.

* * *

Пролетает, догорая,
в темном воздухе звезда...
Ни на что не посягаю,
не ищу ни в ком врага.

Я лежу в своей палатке,
словно крот в чулке норы,
упираю свою пятки
в муравьиные миры.

Ну а кто-то ходит лесом -
сучья ломкие трещат;
может зверь, а может леший,
домового старший брат.

Страх во мне сидит как мина,
бормочу какой-то вздор:
Ты гуляй, приятель, мимо -
у меня в руке топор.

Ты ступай в своё болото,
где брусника и вода.
Я ведь - мёртвая колода,
я - невкусная еда...

И, внимая мысли тайной,
кто-то злой уходит прочь,
унося свой треск печальный
в замирающую ночь.

И стихает шум опасный
и стихает в сердце стук.
Лишь на ниточке атласной
среди звезд висит паук.

2001

ЗВЕРИНЫЙ БОГ

У зверя в норе иконка-щепа.
На иконе выцарапан звериный бог.
Зверь глядит на бога, и дрожит щека:
до чего же бог его - плох.

Раздирали бога капканы на заре,
кровь по лапам белым его текла...
И чего не сиделось богу в норе?
Или мало было в норе тепла?

Он потом шатался тенью сквозной,
бессловесную воду ногой трепал,
и светился, будто фонарь какой...
И чего приходил, живых пугал?

Молится звериному богу зверь,
перемежаются в сутеми вой и лай.
И осина поскрипывает над ним как дверь,
приоткрываясь в светлый звериный рай.

* * *

Остановишься вдруг у лесного ручья
и гадаешь: а я бы так смог -
пробежать меж камней, о себе не крича,
лишь тревожа придонный песок?
Надо мной бы склонялись угрюмые мхи,
ветви тёмные застили свет.
Я забыл бы, зачем сочиняют стихи,
и о чём это слово - "поэт".

Я бы просто бежал под уклон, меж берёз,
стебли трав задевая слегка.
И меня бы не мучил нелепый вопрос:
не с меня ли большая река
начинается?..
Если неймётся тебе,
обрати свои взоры к ручью.
нечего о своей предстоящей судьбе
он не знает,
и я - не хочу.

ТРОПА

Ветер качает порожнюю ветку.
Тайна тропы заперта на засов.
Из ноября мне приносят повестку –
срочно явиться к раздаче снегов.

Что под ногами? Лишь палые листья.
Что-то бубню, разбираясь в себе.
Речь придает завершение мыслям,
мысли петляют подобно тропе.

Охра теряет значение плоти –
веток бесплотных чернеют тела.
Белка сбежит на лесном повороте
молнией огненной вниз со ствола.

Краска живая сквозь мертвые ветки.
Пыл нищеты и ничтожному рад!
Рыжая белка – оксюморон редкий,
серого дня ослепительный клад.

* * *

В ожидании птичьего клина
листья падают медленно с клёна.
И такая вокруг синева
разлита... И нелепы причины,
чтоб на чудо глядеть отрешённо,
выбирая построже слова.

Утром в поле росы по колено,
но зато как пылает калина,
легкий холод осенний презрев!
В стоге стынет душистое сено,
тонет в белом тумане осина,
и чуть дышит душа, онемев.

Как целебно молчание мира!
В нём всему есть достойная мера -
злу презренья и вести благой.
Ну, уймись же, бренчащая лира,
видишь, облако словно галера
развернуло свой парус тугой.

2005

УТРО

В тонком утреннем мире
слышен птичий смычок.
Музыкально расширен,
замирает зрачок.

Мысль легка, как ребёнок -
не скорбит ни о ком.
Только что из пелёнок -
этот мир за окном.

Сердце чисто и чутко
шаг привычный вершит.
В теплом фокусе чувства
ангел солнечный спит.

2002

УЛИТКИ

Этот солнечный день – с холодком пополам.
Снег в канаву пополз умирать.
Караваны улиток ползут по стволам,
друг за другом – верблюдам под стать.

Непонятно зачем, непонятно куда,
только тянется слизистый след.
Там вверху только небо из синего льда,
только голые ветки и свет.

Ах, не лучше ль назад – в молодую траву?
Но всё выше и выше поход...
Там рогатое облако в даль-синеву
белоснежной улиткой плывет.

* * *

Асфальт первобытный
проходит по краю болота,
где белая ива цветет.
В канаву-корыто
лягушек горластая рота
залезла и глотки дерёт.

Весенние планы
и мысли мои - простодушны.
От зимних тревог - ни следа.
Стрекозы-бипланы
срываются стаей воздушной -
бесшумная брызжет слюда.

О, метаморфозы
души, лишь недавно скорбящей
о бедности прожитых дней.
Лягушки, стрекозы,
цветения запах бодрящий -
все нынче в копилке моей.

Я все принимаю
и всем уступаю дорогу.
И, кажется, берега нет
ни солнцу, ни маю,
ни яблонь цветения сроку,
ни ветру, летящему вслед.

2001

ЭНТОМОЛОГ

Энтомолог - баловень природы,
обожатель мошек и жуков.
Он сачком выписывает оды
по небесной ткани облаков.

Ах, ничто ему не докучает,
никакие взрослые долги.
И сачок забвения летает
над травой цветущей у реки.

Он - один среди друзей знакомых:
пряных трав, курящих фимиам.
Здесь сухие крылья насекомых
рассыпают ноты по листам.

Здесь напоен луг горячим звоном,
и слова прощения легки:
все равны пред богом Махаоном -
травы, люди и жуки.

2002

* * *

Как табак из табакерки,
слов щепотку извлекая,
смысл чудесный рассыпаешь
по околицам сознанья.
Вот откуда этот космос,
эта мгла берестяная,
этот жар речитатива -
вплоть до самоистязанья.

И во тьме бывают светы,
да не каждой мысли впору,
как не каждая дорога
собирает меру знаний.
Отними от тела душу,
отними от неба гору.
И увидишь в небе птицу
неизвестных очертаний.

2002

* * *

Я устал говорить, но и ветер устал дуть,
и устала река нести на себе рыб.
Из всего, что живёт, ты можешь извлечь путь,
хоть не в каждом пути размах колеса скрыт.

Я уже позабыл, на какой из дорог - враг.
А любовь это сон? Или сад за стеной лет?
Опадает листва, оживляя ночной мрак.
Я открыл свою дверь, чтобы видеть звезды свет.

2001

КОСТРЫ

Затем, что существуешь
и суетой томим,
костёр ночной раздуешь,
печальный пилигрим.

На берегу забвенья,
на берегу тоски,
на берегу сомненья -
удачам вопреки.

Пока живешь в сознанье
и отвергаешь ложь,
на берег Мирозданья
ты выйдешь и замрешь.

Все небо - в звездах многих.
Рассыпались миры!
На берегах далёких -
далёкие костры.

Опять они мерцают,
горят над головой
И жить тебе мешают,
и дух смущают твой.

2005

ЛЕПЕСТКИ ДНЕЙ

* * *

Всё живу в ожидании лета,
всё в какую-то верю мечту.
Только ранняя песенка спета,
а от поздней - лишь горечь во рту.

Всё живу ожиданием смысла,
в окружении старых обид.
Но ненастная туча нависла
и бессмысленно снегом сорит.

Это - белого света крушенье,
это - хаос грядущий извне...
В расточительном этом круженье
потеряться так хочется мне.

Раствориться без звука и знака,
разлететься на атомы слов,
чтоб уже никакая собака
не нашла моих беглых следов.

1999

ПУСТАЯ КВАРТИРА

Пустая квартира укроет тебя
от гулкой январской метели.
Все вещи ушли коридором, скрипя,
к какой-то неведомой цели.

В квартире пустой остывают мечты,
как с чаем стакан остывает.
И вот ты лежишь, сам - кусок пустоты,
и пыль сквозь тебя пролетает.

Источен болезнями ветхий паркет,
скрипучи его наставленья:
о, что за безумство - являться на свет,
не ведая цели рожденья!

Пустая квартира - пещера твоя,
где клок паутины свисает,
где время струится, но эта струя
привычно тебя огибает.

1995

* * *

Ночь упала туда, где, дома серебря,
фонари выступают из мрака.
Сочини хоть одно продолженье себя
в этом мире, пустом как бумага.

Сочини перелёт над каналом ночных
или - бег по трамвайному кругу.
Сочини этот оптовый облачный дым,
сердца розничную разлуку.

Сочини про любовь, о которой мечта
бестолково и жадно хлопочет.
Поспеши - скоро утренняя нагота
нити всех фонарей обесточит.

* * *

Ты будешь плакать и стенать,
как в дождь - осенняя дорога.
Ты будешь истину искать
посредством дьявола и бога.

Тебя измучают дотла
слова, похожие на крылья.
И всласть размножат зеркала
твои напрасные усилия.

Не став ни агнцем, ни царем,
для взгляда внешнего обыден,
ты будешь высосан огнем,
который ближнему не виден.

2001

* * *

На острие ночи ни крика, ни драки.
Так и ты постой - не шуми, не ори.
Не скули о том, что нет у тебя, у собаки,
ничего снаружи, а всё - внутри.
А и внутри у тебя та же ночь дурная
и фонарь тот же посреди стоит.
Рассыпает свет напрасный, того не зная:
для кого светит, к чему горит?

2000

* * *

А я к серому немцу не мчусь,
и к бордовому французу - ни-ни!
У меня деноминация чувств
голова моя отдыхает в тени.

Вот верчу палеозойский камень в руке,
окаменевшую божью тварь.
Сам, словно раковина, сдавлен в известняке -
весь на лбу отпечатан мой календарь.

А в голове, известно, - ни кола, ни двора.
А муравью плевать! - ползет по стене.
Я лежу на диване, спрашивается: на хера?
И боги шпаргалками шуршат в тишине.

1997

* * *

Оградясь золотыми тельцами,
ложь стоит, неприступна как трон.
Голова моя ходит кругами
между белых и красных знамен.

Не укрыться ни в храме, ни в мире,
ни в уютных потёмках души
от раскинувшей крылья в эфире
повсеместно вещаемой лжи.

От неё не отбиться глаголом,
как от Змея - булатным мечом.
И стою я беспомощно голый
перед ней, словно перед палачом.

Разодета в шелка дорогие,
ложь от собственной спеси пьяна.
И дарит она нитки цветные
всем, забывшим свои имена.

2002

* * *

Лишь уставившись в спинку трамвайную
и - затрясся, поехал, пошёл!
Сквозь тоску, безысходность обвальную,
сквозь дождя монотонный глагол.

Эти улицы масляно-чёрные
станут рельсы сплетать-расплетать,
зажигать фонари золочёные,
беспокойные думы латать.

Пассажиры умолкнут, насупятся,
затаятся, как будто враги...
И такая дорога раскрутится,
что первом описать не моги.

* * *

Если хочешь, могу я тебя научить,
как безумные мысли из разума вить.

Если хочешь узнать, кем заказан твой сон,
приходи на ристалище тонких имён.

Ты запутался в интерактивной среде -
ни один из живущих не равен себе.

Ни один из живущих не светел как свет,
потому что он в смертое тело одет.

2004

ПРЕДЗИМЬЕ

(блуз(

Снёжная пыль побелила листву городскую,
я не живу, а как будто о жизни тоскую.
Кажется мне – дни мои пролетают впустую.

Разум с трудом примиряется с новою явью.
Правит ли бог? Или сам я судьбой своей правлю?
Делайте ставки. Но, чур, на себя я не ставлю.

Возраст во мне словно бомба с пружинным заводом.
Мысли о смерти смелее и злее с каждый годом.
Боже, каким я себя ощущаю уродом!..

Карты раскинь – снова к женщине ляжет дорога.
Двери откроет, посмотрит спокойно и строго.
Старая явь начинается тут же, с порога.

Женщине кажется вновь, что она – молодая.
Хочется ей разыграться от края до края.
Смейся и плачь, настроеньям её потакая.

Время идёт, я завяз в пустоте разговора.
Это – трясина. Не выбраться. Утро не скоро.
С выпитой водкой растёт антология вздора.

Женщине сколько ни дай, всё покажется мало.
Жадность её сколько щедрых мужей доконала!
Впору бежать, чтоб она тебя долго искала...

Снежная пыль так похожа на краткие миги.
Жизнь пролетела. В ней были мечты и интриги.
Плачут во мне и кричат нерождённые книги.

Это – предзимье. Я холодно вычислил даты.
Это – сезон, приносящий напрасные траты,
новые беды, в которых мы не виноваты.

2007

* * *

Да, эта женщина хотела
сама в мои пойматься сети,
Она своё вручила тело,
но что мне делать с телом этим?

Полночные слова метались,
но сердце затыкало уши.
Пока тела соединялись,
прочь разбегались наши души.

2002

* * *

Женщина – капризное созданье,
верящее яркой шелухе.
Кружат ее голову желанье,
сказки о нечаянном грехе.

Смотрит она жадно сериалы,
забывая, кто она и где,
и уже завидовать устала
телевизионной красоте.

Хочется и ей пожить богато
среди пальм, бунгало и страстей.
И она все ищет виноватых
в жизни незадавшшейся своей.

* * *

Любовь прошла, но сено сохранилось.
Семнадцать лет в объятьях полотна
оно в пыли забвения томилось
на чердаке, где сон и тишина.

Мы разошьём матрац времен античных
и вытряхнем ненужную труху.
И легкий прах воспоминаний личных
добавит грусти слову и стиху.

Ах, было лето - и не стало лета...
Сжирай огонь последние клочки
травы, изнемогавшей до рассвета,
от страсти, задыхавшейся в ночи.

Любовь прошла. Она иному веку
принадлежит. Так что ж её беречь?
Нам не войти в одну и ту же реку,
в одну траву два раза не прилечь.

* * *

Прости, что ночь была железной,
а не пластичной, словно воск,
что над постелью бесполезной
носилась стая злобных ос.

Прости, что радуга связала
святой и грешный острова,
что там, где мельница стояла,
пустые выросли слова.

Прости, что ветер бег утратил
и растворился в глади вод.
Прости, что солнце так некстати
над миром скомканым встает.

2003

* * *

Всё бы в зеркале тебе отражаться –
в амальгамах восхищенных похвал.
Ведь душа моя умеет смиряться,
а слова – я у слепого украл.

То ли с ветки светоносной слетела,
то ли вышла из купели речной –
ты живешь, покуда светится тело
в чудном зеркале, что вылито мной.

* * *

Пробегает трамвай, трепеща жестяными дверями,
город верен себе, но не верит бегущим к нему.
Сколько слёз, сколько жалоб прошло проходными
дворами,
сколько мелочи медной бесследно упало во тьму!

Повторяй же себя на случайных обрывках бумаги,
запирай свою душу, дробя, в золотые ларцы.
Чтобы камень любить, много надо супрой отваги
и слепого огня, на котором сгорают певцы.

Скрип качелей в саду - одинокая песня в тумане,
на неё прибреду, словно тополь, ветвями шумя.
Потому что любовь не зависит от денег в кармане,
потому что любовь - обнимает руками двумя.

1991

* * *

Ветер срывает листву и ветки ломает.
Всё – ничего. Равномерно тепло убывает.

Кроны опали и облаки сделались ближе.
Запах листвы под ногами пока еще слышу.

Вьется листва по аллеям осеннего парка.
Ветру – не жаль. Ну и мне – моих мыслей не жалко.

Что они есть? Мне вдогон не придумать названья.
Мчатся, слетев с полувысохших веток сознанья.

Глупо ловить –увядания вечны законы.
Над старицами всегда разорённые кроны.

* * *

И снова неба рушащийся кров.
И вновь – первом спасаться и бумагой.
До белых мух, до белых пауков
глядеть в окно, насыщенное влагой.

Ни с мёдом чай, ни кофе с коньяком
не остановят тления простуды.
О, сколько тленных листьев за окном,
готовых рухнуть и собраться в груды!

О, сколько серых, беспросветных туч,
гримящих труб и черноты беззвёздной.
Все двери мира заперты на ключ –
больная ночь, и просыпаться поздно.

А дождь шумит, шагает во весь рост,
ручьями заливает мостовые...
Я – астроном, который вместо звёзд
глядит в окно на струю дождевые.

* * *

Где моя соловьиная память,
дней трещотка, пчелиная пудра,
музыкальные в травах ключи?
Вроде с вечера начало таять,
да опять подморозило утром,
онемели, застыли ручьи.

В ледяных зеркалах отразилось
серых туч снеговое кипенье, -
безупречная дней глухота.
Но одна мне дарована милость:
тонкой мысли неверное тленье
да упорство слепого листа.

Отрываюсь от старого века,
от его предрассудков и мнений.
Мне никто не подскажет уже,
сколько окон внутри человека
заколочено, сколько ступеней
одолеть не хватило душе.

Ни одна не удержит опора,
ни одна не согреет комета -
прах летучий рассеянных тел.
Отрываюсь от всякого спора,
отрекаюсь от всякого света -
белый свет только в памяти бел.

2001

* * *

Предо мной сеть ветвей за окном –
направления мартовских токов.
Но, поверь, в измеренье ином
нет ни веток, мартовских сроков.
Там другое, поглубже, окно.
В нем меняют обличье предметы.
Там сквозь каждый рукав домино
кисти странных законов продеты.

1995

* * *

Ничего не происходит
в мире гулком и пустом,
только мысли колобродят -
завиваются жгутом.

Разорвать бы этот морок,
эту пляску бесенят.
Ясно помню: было сорок,
каюсь: стало пятьдесят.

В голове минор хрустальный,
пляске бесов в унисон.
Холод нематериальный
с четырех ползёт сторон.

Время плётками кривыми
тёмный воздух шевелит.
Дни летят, и годы - с ними,
только пыль из под копыт!

* * *

Жизнь обнимала, впивалась и грызла,
и отлетала обрывками дней.
Ты пробежал по поверхности смысла,
не омочив торопливых ступней.

Всё, что ты понял, ты понял буквально,
но внеязыко твое бытиё.
Ведь даже птичка в ночи - виртуальна,
и виртуозны распевы её.

Не оттого ли твой голос прохладен,
что для богов не хватило имён?
Время еще не нашло своих впадин
и равнодушно течет под уклон.

Снова луна, как подзвёздная лодка,
ходит кругами у самого дна.
Жизнь твоя - может быть краткой и кроткой,
может быть долгой и злой, как струна.

2001

* * *

Вечер, слепящие фары,
лип припаркованных ряд.
Словно ненужные файлы -
листья в канавах лежат.

Неисчислимые числа -
сброшенных дней череда.
Жизнь, как компьютер, зависла,
и - ни туда, ни сюда.

Дряблое сердце - ни к чёрту!
Драйвер его устарел.
Скоро я сделаюсь чёрным,
стукая пальцем в пробел.

Сколько ж глядеть в эти окна,
пить этот лиственный яд,
слов разноцветные стёкла
пересыпать наугад?

2005

* * *

Эхолотом вымерены бездны,
блохи все подкованы до срока –
голова до осени бела.
Поутру – отчётливей болезни
проступают, с ясностью жестокой
предваряя таинство Суда.

Поутру – мучительней итоги:
черепки горшков на пепелище,
Ни душе покоя, ни уму...
Снег в окне стоит прямой и строгий.
С фонарем в руке кого он ищет?
Пухом землю выстелил кому?

* * *

В поисках смысла
дойдешь до бессмыслицы полной.
Всякие числа
взывают к работе упорной.

С истины ретушь
с чувством брезгливым смывая,
думаешь: нет, уж!
Чур меня, вера слепая!

Кто посмелее,
будет кричать, бесноваться...
Многое вернее
лжи безусловной держаться.

Зная наверно:
правды в ней нет ни карата.
Ложь - вдохновенна,
правда - глуха и горбата.

Каждый - мурлыжил,
каждый под правду лукавил.
Черный ли, рыжий,
всяк под себя её правил...

Ночью пьянящей
факел сомненья врачаю -
ложью горящей
правды тупик освещают.

2000-2001

* * *

В тонкой предутренней рани,
в час, что прозрачен и тих,
столько скопившейся дряни
в мыслях находишь своих!

Злишься, что был в заточенье
собственных страхов и вер,
что окружал свое бденье
облаком мрачных химер.

Что по навету глагола
душу свою разорял,
и с золотого престола
медные деньги швырял...

Перебираешь былое -
горсть отгоревшей руды,
и посыпаешь золою
травы свои и сады.

2001

* * *

Как больной гляжу в окно -
жёлтый лист летит некстати.
Сердце льдом оплетено,
а снаружи - осень в злате.

Ну, скорей бы в тишине
снег пошёл путём воздушным,
чтобы холод, что во мне,
слился с холодом наружным.

Ах, скорей бы - января,
крупки снежной под ногою!
Чтоб пришла душа моя
к равновесному покою.

1999

ЛЕПЕСТКИ ДНЕЙ

1.

Брожение души...
Глаголы - слуги духа,
обрушенные с неба миражи
в смирильных рубахах... Свойство слуха -
из бездны мировой
осмысленные звуки
умело извлекать. Зажмуряясь пой -
и строки поплывут твои как струги.

2.

Губительный порок -
предаться мазохизму.
Себя хулить. Я заготовил впрок
без счёту песен. Свет, проникнув в призму
дробится на цвета,
так песни, может статься,
на строки раздробятся. Ни черта
не соберёшь. Напрасно и стараться.

3.

Увидеться с собой
в пространстве новом -
единственная цель. Единственно - в прибой
созвучий с головой нырнуть и с рыбым словом,
а может - немотой,
а может - верой,
вдруг замереть перед песчаною чертой,
и чтоб вода стекала плотью серой.

4.

Я вышел из воды.
Я соль морскую
гоню по жилам, благо есть звезды
неутолимый свет. О Боге всуе
я вспоминаю. Грех,
но кто ж не грешен?
Кто не латал украдкою прорех
любви и чести - наг и безутешен?

5.

За призрачный огонь
алхимии стозевной
я разломал отцовскую гармонь,
похерил пыль тропы... Я воздух гневный
вдыхал. Сквозным двором -
испуганная птица -
я пролетал. Железом и стеклом
прверено как кровь моя точится.

6.

Суть времени темна...
Меня грызут микробы
болезни временной. Во мне идет война
сторон враждующих. Мне дар особый
назначен - жить
вне алчущего мига.
В голодной страсти пепел ворошить,
пока горит распахнутая книга.

7.

Летят дней лепестки,
летят в колодец зноя.
Из колбы в колбу сыплются пески.
Вода-громада, движима луною,
вскипает к небесам
все руша перспективы.
И не понять уже, чего я стою сам,
И что богам мои речитативы!

ФОРМУЛЫ, НАБЛЮДЕНИЯ, КОНСТРУКЦИИ (верлибры!)

ОСЕННИЕ ГОЛОСА

Голос осенней осины
подобен топоту капель,
торопливо пробегающего дождя.

Голос осенней березы
подобен шелесту рыбьих плавников.
Еще не скоро
рассеется эта стая.

Голос осеннего дуба
подобен стуку когтей,
или же
перебирианию костяных крючков.

И только голос осеннего ветра -
одна сплошная голая нота,
готовая преломиться и отразиться,
и стать чем угодно:
голосом осины,
голосом березы,
голосом дуба.

* * *

Никогда не видел,
(да и вряд ли увижу)
как стая зайцев
гонит одинокого волка.

ДОЖДЬ

Дождь - это поиск насекомого
в бороде лужи,
синоним бузины
в плевательной трубке,
шелест газетного крыла
в ловушке трамвая.

Дождь - это выходной день астронома.

КИТАЙСКИЙ ПОЭТ

Сиреневое перо птицы
упирается в подбородок мысли.

Торопливый бисер слов
щекотно перебирать пальцами.

Тростник, завязанный в иероглиф,
несут мутные воды реки.

ДЕТСТВО МИРА

Троянского коня
только что привезли из магазина -
он пахнет мебельным лаком.

Александр и Менелай
играют в фантики
на осеннем асфальте.
Ахилл в подворотне
стучит деревянным мечом.

Елена
(Ну, конечно, Елена! Кто же еще?)
в гулком колодце двора
прыгает через скакалку:
щелк, щелк, щелк!

- Вернись, Одиссей!
кричит в слезах Пенелопа.

Но не отвечает Одиссей.
Его уже нет здесь.
Его дощатый плот
уплывает все дальше и дальше,
оставляя за собой,
Геркулесовы Столбы
Грибоедова канала...

ГУЛЯЮ ПО ЗИМНЕМУ ЛЕСУ

Стол - разновидность предмета,
любовь - разновидность чувства,
человек - разновидность сознания,
не понимающего само себя.

При этом поэзия -
разновидность безумия...

Мы живем среди деревьев,
и каждый удар по стволу
осыпает с веток
последний их смысл.

ДЕРЕВО

Осеннее дерево
для муравья -
вывернутый наизнанку туннель,
для птицы -
пустующий зал филармонии,
для философа -
река между светом и тьмой.

* * *

Глупо торопить тропу,
разгадывать каблограмму корней,
прописывать ландышу валокардин.

Муравей электронный
снует в соленоиде леса -
притягивает и отпускает
сердца магнит.

ПАУК

Воздушный полярник,
вцепившийся в сетку координат.
Матрос на мачте,
указывающий,
куда дуть ветру.
Восьмилинзовый батискаф,
опускающийся
в глубину собственного страха.

* * *

Утреннее окно
в темной комнате
проявляется дольше,
чем фотопластинка
в кювете с проявителем.

* * *

Сон Архимеда -
тяжесть клепсидры с водой.
Мысль Архимеда -
радость древесных машин.
Жизнь Архимеда -
прутика след на песке.

АЛХИМИК

Сорок фунтов сухой березы -
у капитана реторты.

Он пишет золотом
по зеркалу кремня.
Приручает зеленого льва
и скифскую воду...

Напрасный Агриколла.
Напрасный дракон.

Молекулы хаоса
спрятаны в шерстяной колпак.
Ждут печника.

Свиная моча
стынет в дубовой бочке.

Первый снег
падет
на оловянное дно Луны.

* * *

Кристаллография сфер.
Электрический лобзик кузнечика.
Ломоносов пространства
собирает ночной кокайн.

* * *

Через две точки
можно провести только одну прямую
и бесконечное множество кривых.
Вот - отличие правды от лжи.

ТРИ ЗВЕРЯ

Птеродактиль до востребования.
Аквабрахий текущей строки.
Терранапест, сжирающий опавшие листья.

ЭПИТАФИЯ

Мраморный ферзь
на шахматном кладбище -
в конце пути пешехода,
рожденного пешкой.

НОЧЬ

Тень Эхнатона
бродит
по кладбищу телескопов.

Звездолет финикийцев
прибило
к железнодорожному переезду.

Пьяные комиссары
гуляют у стен Карфагена.

Ночь.

В кабинете Спасителя
тихо гудит вентилятор.

ОДИНОЧЕСТВО

Ледовитые мысли о Вечном.
Зимовка на высокой широте отчаяния.
Горячая капля крови
за горизонтом бритвенного лезвия.

* * *

В перископе любви:
оболочки грез,
фантики воспоминаний,
целлофан одиночества.

КОЛЛЕКЦИЯ

Коллекция когда-то снятых с себя ниток.
Под каждой из них
свое имя:
Вера,
Людмила,
Мария...

* * *

Пальцы,
текущие по склону желания,
чуткие,
как поплавок соска, -
проводники нетерпения,
ловцы выпуклых волн,
неистовые апостолы осязания,
древнего,
как сама жизнь.

* * *

Волны желаний
разбиваются о берега возможного,
оставляя пену брошенных слов.

* * *

Иона в чреве кита -
одинокий пассажир
на эскалаторе метро.

* * *

Ночью стою на городской улице.
Два фонаря меня освещают.
Две тени падают от меня...

Так город
приучает человека
к двуличию.

* * *

Аптеку
знают потому,
что о ней писал Блок,
хотя он,
как мне помнится,
не был врачом.

* * *

Зимняя ветка хороша
близостью к небу,
снегом,
окаймляющим темную ее суть.

Старая изба хороша
близостью к земле,
свилеватостью бревен,
слагающих стены,
пылью надтреснутых окон...

Не понимаю классической красоты
в мраморно-бронзовой ее оболочке.

* * *

Господи!
Почему это лето не вернется назад?
И озеро - вид с горы.
И - красная земляника,
и мама в платье цветном...

* * *

Свадебные кольца для русалок,
головные обручи для русалок,
хала-хупы для русалочных игр –
всё для вас!

Говорит дождь
проходя над озером.

* * *

Вода падает в раковину
из крана:
кап-кап,
и снова
кап-кап-кап.
Почему-то неравномерно.
Словно азбука Морзе...

Убери букву и получится:
азбука Моря.
Поменяй одну букву, станет:
азбука Горя.

А вода капает т капает:
кап-кап-кап!
Ей всё равно.

УТРО

Газовые коготки
царапают алюминиевую воду.

Кипение слов
приправлено лимонной кислинкой.

Перламутровый сумрак
в окне...

* * *

Шум ветра -
музыка географии.

Шорох песка -
музыка древней истории.

Тишина -
музыка астрономии.

* * *

Последние гвозди слов
забиты в пустоту спора.
Раковины слуха
отдыхают в глубине тишины.

* * *

Берег - досадный изъян
линии горизонта.

* * *

Литература - алхимия образов,
выплавка серебра слов
из золотой руды молчания.

* * *

Трилобиты мысли
распадаются на сегменты слов.
В окаменевших скорлупах -
ничего, кроме времени.

* * *

Человек, приручивший тучу
обречён
никогда не видеть солнца.

СЛЕД

След на песке -
в стеклянной воронке часов.
Боль прощания -
в градуснике воспоминаний.

Просыпаясь,
тонкий женский волос
снимаю с мокрой щеки.

* * *

Пестрый ствол минарета
песней-криком в небо стрелял.
Это порох веры
сгорал в груди муэдзина.

* * *

Недолго живут кленовые листья,
расписанные кистью увядания.
Скоро-скоро зима загрунтует эти яркие холсты,
оголит станки и мольберты...

Наивный художник,
зачем ты хочешь,
чтобы твои творения жили вечно?

СТЕКЛЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Свет может пройти сквозь стекло,
а ветер - не может.

Ветер может пройти сквозь листву,
а свет - не может.

Если бы существовали
стеклянные деревья,
то и свет и ветер
легко могли бы проходить их насквозь...

Но оттого, видимо,
и нет на свете стеклянных деревьев.

* * *

Из семени лжи
вырастает дракон зла.
Слышишь, шелест клубящихся крыл,
перепончатый гром небес?
Видишь - рев одноцветной тьмы?
Это - ты солгал.

* * *

Задаю вопросы
не для того, чтобы отвечать самому,
или, чтобы отвечал кто-то.
А для того, чтобы порадоваться:
есть еще вопросы!

* * *

Слишком чуткие уши
ловят повод для бессонницы.

Снежный димедрол
скрипит под ногами.

Еще не спят в каждой четвертой квартире.
Без четверти два.

Женщина выгуливает собаку.
Собака похожа на маленького оленя,
женщина - на большую ворону.

В синем электрическом свете
все кажется значительным:
бомж движется по траектории -
неоткрытый никем астероид;
намагниченная парочка
липнет к двери парадной,
еще раз доказывая разнополюсность мира.

Повсюду поля: магнитные, гравитационные
электрические...

Но все мы - только поле
для падающего снега.

* * *

В холодной войне
побеждает тот,
у кого холоднее кровь.

Поэтому никогда
живому человеку
не победить покойника.

* * *

Путешествуя по дну жизни,
натыкаешься вдруг
на якорь чужого благополучия -
тяжелый,
изъеденный ржавчиной,
залепленный ракушками и тиной.
Провожая взглядом
высоко уходящую цепь,
догадываешься:
неспокойна поверхность житейского моря.

* * *

Музыкальная фраза,
назойливая, как запах лука,
бегает по кольцу воображения,
вытаптывая траву мысли.

* * *

Статичных предметов
всегда больше, чем движущихся.
Но движущимся - всегда больше внимания.

С другой стороны,
нечего абсолютно статичного в природе нет.
Иначе, зачем тогда существует время?

* * *

Изобретатель снега
затаптывает костры дерев,
просеивает ночь сквозь серую марлю дня.

Изобретатель снега
катит жернова календарей,
лезвием льда оттачивает звуки шагов.

Улицы океанический желоб
полон светящихся рыб.
Равномерной стеной
падает диатомовый ил...

Изобретателя снега
зовут: Посейдон.

ЧЕРВЯК И ВОРОБЕЙ

– Меня никто не понимает!
Меня никто не понимает! –
бился в истерике червяк.
– Я даже сам себя не понимаю!
– Чего ты не понимаешь –
удивился воробей.
– Я не понимаю,
в чём смысл моего существования!
– Да что тут понимать, –
сказал воробей и склонул червяка.

Быть понятым, значит, быть исчерпанным.
так стоит ли убиваться раньше времени?

* * *

Хорошие стихи читать полезно,
а плохие стихи читать вредно.
Но поскольку плохих стихов
неисчислимо больше, чем хороших,
то не читать стихи
гораздо полезнее, нежели читать их.

ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ

* * *

Дни тяжелы, а ночи - пустотелы,
и всякий образ требует резца.
И силой слов разъятые пределы
сомкнутся вновь и сокрушат творца.

Как выразить всего одной лишь фразой
бездмерность яви и беспечность сна?
Сомненья запечатывают разум,
и только воля в выборе вольна.

Нет ничего обманчивей мгновенья,
а Вечность - так угрюма и мрачна.
Но свет горит в соседних измереньях,
и музыка чудесная слышна.

ВСТУПЛЕНИЕ

Опять всю ночь идти путем зерна,
в стих заключая тени впечатлений.
Да кто ж сказал, что жизнь -
из просветлений?
Из затемнений разума она.
Я сам создам иные времена,
сведу пространства, выверю законы.
Всю ночь скрипят воинственные троны,
и за страной возводится страна.

Да, вся любовь моя от словаря,
от буквы "эль", от "жениха с невестой",
от песенки назойливой известной,
от ерунды, короче говоря.
А между тем, уже горят моря,
и суша расплзается хребтами,
и все слова отпущеные нами -
кто знает? - встанут где на якоря.

ЧЕРЕПАХА

Равномерно ползёт черепаха –
вездеход биогенного толка.
Мир над ней – комъя звездного праха!
Чудеса да и только.

Иногда надвигаются тучи,
иногда совершаются бури,
но покоится панцирь могучий,
словно круг в квадратуре.

Кто-то счастлив в иной ипостаси,
вон он в небе – из перьев рубаха...
Но никто черепаху не сглазит –
равномерно ползет черепаха.

Ведь она старше праны и кармы,
взгляд ее – неживой, инфернальный.
Остаются лианы и камни
на сетчатке спектральной.

Солнце катится в мареве зноя,
волны катятся – мирное стадо...
В полосе золотого прибоя
исчезает наяда.

ВЕРБЛЮД

Пока идет верблюд,
перемалывая жвачку времен,
серебряной соли пуд
успеет съесть фараон.

И ветер шерсть сдерет с пирамид
и покатит к морю ее,
туда, где солнце стоит,
забывая имя свое.

Пока идет верблюд,
погруженный в жару, как в золу,
сорок тысяч ключей умрут,
прорывая земную мглу.

Но другие сорок тысяч ключей
желтый песок обагрят,
потому что сорок тысяч мечей
кто-то гордый составил в ряд.

И обломки звездных лучин
свой в потемках рассеют свет.
И не надо искать причин,
потому что причины нет.

Пока верблюд идет,
в неистощимой силе пока,
порожний слух подберет
змеящийся шелест песка.

И от каждой тени твоей,
чей корень в песок зарыт,
вырастут сорок тысяч ветвей,
и на каждой листва сгорит.

Пока идет верблюд,
сам себя повторяя вдали,
тучи черные совыются в жгут,
только дождь не коснется земли.

И ты поймешь, что иного нет,
и в песок зароешь весло.
И ты отправишься каравану вослед,
повторяя за числом число.

И что с того, что пустыни жар лют,
и поднять невозможно век.
Ведь пока идет верблюд -
будет идти человек.

2002

ГВОЗДЬ

В горячей кузнице рождён
среди огня и дыма,
он был откован и клеймён
ремесленником Рима.
Его везли на корабле,
потом – в повозке тряской,
потом в корзине по земле
тащили в общей связке.
Положен волею людской
для правильного дела,
он мог бы сшит доску с доской
во славу корабела.
Он мог бы стену укрепить
жилища или храма,
иль хоть бы – колесо катить
безмолвно и упрямо.
Он мог в земле лежать, забыт,
ржавея век от века,
но был в ладонь живую вбит
живого человека.

* * *

Партизан Иданфирс, ты засыпал колодцы песком.
На плече - автомат и в подсумке - четыре гранаты.
На лохматом коне ты умчишься, свободой влеком, -
в бесконечной степи не отыщут тебя супостаты.

Эта скифская степь не звала чужеземных гостей,
не затем ее воля в боях матерела и крепла.
Хмуро персы стоят, глобалисты до мозга костей,
перед морем огня и стеной восходящего пепла.

Приходите еще, мы сожжем свои села дотла,
мы зароем колодцы, мосты и дороги разрушим.
Никогда никому, сколь бы дерзкой рука не была,
не взнуздать и не впрячь в колею наши вольные души.

Разве птицу поймает, кто сам от природы бескрыл?
Не видать тебе, Дарий, ни злата, ни чести, ни славы,
Нет у нас ничего, кроме дедовых тайных могил
да бегучей тропы, попирающей шумные травы...

О, ленивый сатрап, подними ледяные зрачки –
не видать ли вдали, где стоят облака, словно пена,
жарких стягов цветных? Это движутся к югу полки,
унося на щитах серый пепел с полей Борисфена.

2002

* * *

Рос я да не вырос,
остался шпанью.
Хоть исписал папирус
в караван длиною.

Вблизи пирамиды
я Нил веслом лопатил.
Эх, видывал я виды
в халате на вате.

Что мне бог Осирис,
Магомет да Будда!
Орды проносились
туда и оттуда.

А век шумел вешний -
золотой в синем.
Ну да и я, грешник,
не сидел сиднем.

По Днепру на стругах
вверх да вниз шастал.
А государеву ругань
смахивал шапкой.

Ведь дурное слово -
оно само катит.
А на лихую голову
и десяти ног не хватит.

2002

* * *

Подобно течениям в океане:
четное - на запад,
нечетное - на восток,
время течет в обе стороны. Заранее
не знаешь в какой угодишь поток.

Бросишь бутылку в быстротекущую воду,
думаешь: к потомкам отправил привет.
А она приплывет к какому-нибудь Гесиоду,
к самому началу неверных лет.

И этот Гесиод,
явно встревоженный чем-то,
будет ночами не спать, расшифровывая мой бред.
А потом признается мудро и честно:
ничего-то нового на этой земле нет.

И он причислит меня к допотопным шумерам,
и опишет меня гекзаметром в тысячу строк.
И рукопись свою, аналогичным манером
запечатав, бросит в другой поток.

2002

МАТЕРИК

Континент толстокожий в асфальтовой сбруе дорог
черепаховой лапой царапает Карские льды...

Никуда не уехать - дороги легли поперек,
и весенние сны торопливей бегущей воды.

Где весло мускулистое с выпуклой лопастью лба?
Все бы нам молодиться, - но кто там глядит из угла?
Пересохли ручьи, из которых точилась судьба,
зарастают осокой мелеющие зеркала.

Слишком мало осталось внутри тектонических сил,
чтобы вытолкнуть к свету обломки растерзанных плит.
Обнажает отлив, испещренный моллюсками ил,
камни старых болезней да острые стекла обид.

Никуда не уехать - ты сам для себя материk,
ты в себя заключен, и свои перепутал пути.
Снова в зеркале дряхлом погаснет вечерний стариk,
чтобы в утреннем зеркале юношей бледным взойти.

2002

* * *

Божий знак - на одном крыле,
Сатанинский знак - на другом.
Ох, тяжело же сводить крыла,
зато разводить - легко.

Так и летиши по границе тьмы,
облетая землю свою:
одним крылом опираясь на мрак,
другим же крылом - на свет.

2000

* * *

У морехода компас есть,
чтобы держать курс.
В море, где небо полно туч
и горизонт гол.
Есть у слепого посох-друг,
чтобы в тропу стучать.
Если твердый сухой звук,
значит - иди вперед.
Как же мне до цели дойти,
той, что мне Бог дал,
если компаса нет у меня,
если посоха нет?

2000

* * *

У страха шаги широки...
Я вытряхну шум из дороги,
я выплесну боль из руки
и выйду за темные стоги.
Там месяца ржавый крючок,
там запах соломенной браги,
там каждый глазастый сучок
кричит о бревенчатом мраке.

Я вырву огонь из травы,
что Времени оси вращает.
Пусть ветер поверх головы
кочующих духов качает.
Пусть небом возвышенный страх
растет, полыхает, ветвится...
Пусть сердце на всех парусах
к бесстрашному берегу стремится.

2000

ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ

1. Финикийский корабль, разбивающий пену времен,
атлантических вод деревянно-скрипучая рыба.
Сорок весел летучих окрасяется радугой брызг,
просмоленая ткань полнозвучным наполнится ветром.
2. За Столбами вода, точно суп из зеленых медуз,
солнца красный обол опускается в жидкую лаву.
Финикийский корабль - пионер абсолютной воды -
подминает волну под свое многорёбре брюхо.
3. Торопись Кукулькан! Этот ветер с пустыни Акшар
не к добру поднялся, он сулит многотрудную бурю.
Повалились кусты, все попрятались змеи в песок.
Панцирь краба пустой, громыхая, с камней покатился...
4. Берегись мореход! Ближе к берегу судно держи.
Высевает гроза в небесах электрический шорох.
Фантастический бог за тобой наблюдает с небес -
геодезии друг и штормов симфонический гений.
5. Как меняется всё! Там, где только что свет догорал,
черный зыбится мрак и тернистые молнии пляшут.
Финикийский корабль правой грудью встречает волну -
кибернетика вод не дается пугливым и слабым.
6. Не гляди далеко, опьянит даже близкая явь -
над горбатой водой тучи мчатся - косматые змеи.
Сорок амфор из гнезд улетят к Посейдону на дно,
весь фасосский мускат по желудкам морским разойдётся.

7. Но - крепись Кукулькан! Этой данью ты выкупишь путь
только рыбам известный. Готовься к великому мигу.
В бухгалтерии звезд ты записан как новый должник,
на дорогах воды след ступни твоей - узкая лодка.

8. Для того ты рожден, чтобы вытерпеть волю богов -
жаркой кровью связать две окраины божьего мира.
Ты пройдешь по земле, где не стриг своей паства норманн,
где испанская цепь золотого тельца не вязала.

9. Ты пройдешь по земле, где вода не дороже травы,
где не только глаза, даже души и те - плесневеют,
где гора тяжела, словно смертью засыпанный ров,
а дорога узка, точно быстрая челюсть каймана.

10. Ты пройдешь по земле, что лежит за руинами слёз.
Ты забудешь страну, где остались родные могилы.
Впереди - новый свет, позади - безобразная тьма.
Так лети же, лети над водой, финикийский корабль!

11. ...Так и эти стихи над пучиною вод пролетят,
над пучиною лет, над полками немых поколений.
Будут снасти скрипеть, будет ветер одежды срывать,
с фонетическим воем крутиться в строфах и цезурах.

12. Будет ночь ослеплять, угрожая тотальною тьмой,
из анафор и амфор забвенья струи изливая.
Но разрознятся тучи и солнце на лист упадет
и укажет гномон космографии новой начало.

2000

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СЕРДЦА

"Окружающий вторник..."	3
"Возвращаюсь к природе, к ее словарю..."	4
"Четыре сосны, как четыре стены..."	5
"С утра костер не разжигался..."	6
"Лес-грамотей..."	8
"Дождь стучит по изнервленной кровле..."	9
НА ДНЕСТРЕ	10
ТРИЛОБИТЫ	12
"Путешествует старый дурак..."	13
"Одинокая палатка..."	14
"Ночной промчался метеор..."	15
ПРИШЕЛЬЦЫ	16
"Пролетает, догорая..."	17
ЗВЕРИНЫЙ БОГ	18
"Остановившись вдруг у лесного ручья..."	19
ТРОПА	20
"В ожидании птичьего клина..."	21
УТРО	22
УЛИТКИ	23
"Асфальт первобытный..."	24
ЭНТОМОЛОГ	25
"Как табак из табакерки..."	26
"Я устал говорить, но и ветер устал дуть..."	27
КОСТРЫ	28

2. ЛЕПЕСТКИ ДНЕЙ

"Все живу в ожидании лета..."	29
ПУСТАЯ КВАРТИРА	30
"Ночь упала туда..."	31
"Ты будешь плакать и стенать..."	32
"На острие ночи ни крика, ни драки..."	33
"А я к сером немцу не мчусь,,,,"	34
"Оградясь золотыми тельцами..."	35
"Лишь уставишься в спинку..."	36
"Если хочешь, могу я тебя научить..."	37
ПРЕДЗИМЬЕ	38
"Да, эта женщина хотела..."	39
"Женщина – капризное созданье..."	40
"Любовь прошла, но сено сохранилось..."	41
"Прости, что ночь была железной..."	42
"Всё бы в зеркале тебе отражаться..."	43
"Пробегает трамвай..."	44
"Ветер срывает листву..."	45
"И снова неба рушащийся кров..."	46
"Где моя соловьиная память..."	47
"Предо мной сеть ветвей за окном..."	48
"Ничего не происходит..."	49
"Жизнь обнимала, впивалась и грызла..."	50
"Вечер, слепящие фары..."	51
"Эхолотом вымерены бездны..."	52
"В поисках смысла..."	53
"В тонкой предутренней рани..."	54
"Как больной, гляжу в окно..."	55
ЛЕПЕСТКИ ДНЕЙ	56

ФОРМУЛЫ, НАБЛЮДЕНИЯ, КОНСТРУКЦИИ

1. ОСЕННИЕ ГОЛОСА	59
2. "Никогда не видел..."	60
3. ДОЖДЬ	60
4. КИТАЙСКИЙ ПОЭТ	60
5. ДЕТСТВО МИРА	61
6. ГУЛЯЮ ПО ЗИМНЕМУ ЛЕСУ	62
7. ДЕРЕВО	62
8. "Глупо торопить тропу..."	63
9. ПАУК	63
10. "Утреннее окно,,,"	63
11. "Сон Архимеда..."	64
12. АЛХИМИК	64
13. "Кристаллография сфер..."	65
14. "Через две точки..."	65
15. ТРИ ЗВЕРЯ	65
16. ЭПИТАФИЯ	66
17. НОЧЬ	66
18. ОДИНОЧЕСТВО	66
19. "В перископе любви..."	67
20. КОЛЛЕКЦИЯ	67
21. "Пальцы..."	67
22. "Волны желаний..."	68
23. "Иона в чреве кита..."	68
24. "Ночью стою на городской улице..." .	68
25. "Аптеку..."	68
26. "Зимняя ветка хороша..."	69
27. "Господи!..."	69
"Свадебные кольца для русалок..."	70
"Вода падает в раковину..."	70
28. УТРО	71
29. "Шум ветра..."	71

30. "Последние гвозди слов..."	71
31. "Берег - досадный изъян..."	72
32. "Литература - алхимия образов..."	72
33. "Трилобиты мысли..."	72
"Человек, приручивший тучу..."	72
34. СЛЕД	73
35. "Пестрый ствол минарета..."	73
36. "Недолго живут кленовые листья..."	73
37. СТЕКЛЯННЫЕ ДЕРЕВЬЯ	74
38. "Из семени лжи..."	74
39. "Задаю вопросы..."	74
40. "Слишком чуткие уши..."	75
42. "В холодной войне..."	76
43. "Путешествуя по дну жизни..."	76
44. "Музикальная фраза..."	76
45. "Статичных предметов..."	77
46. "Изобретатель снега..."	77
ЧЕРВЯК И ВОРОБЕЙ	78
"Хорошие стихи читать полезно..."	78

4. ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ

"Дни тяжелы, а ночи пустотелы..."	79
ВСТУПЛЕНИЕ	80
ЧЕРЕПАХА	81
ВЕРБЛЮД	82
ГВОЗДЬ	84
"Партизан Иданфирс..."	85
"Рос я, да не вырос..."	86
"Подобно течениям в океане..."	87
МАТЕРИК	88
"Божий знак на одном крыле..."	89
"У морехода компас есть..."	89
"У страха шаги широки..."	90
ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ	91

Об авторе

КРАСНОВ Борис Николаевич - поэт и прозаик,
родился в 1953 году в Ленинграде.

Окончил Электротехнический институт связи
им. М.А. Бонч-Бруевича. Работает ведущим инженером в НИИ.
Автор трех поэтических сборников и многочисленных журнальных
публикаций стихов и прозы. Член СП России.
"Стеклянные деревья" - четвертая книга поэта

Отпечатано в типографии "ИП Коновалов С.В,"
Санкт-Петербург, Красное Село, ул. Свободы д.50
Лицензия №308784710900153 от 16.05.2008 г.
Подписано в печать 15.06.Объем 3 п.л. Тираж 300. Заказ №113

